

УДК [811.111+811.161.3]'42:070:574(045)

Зиневиц Надежда Васильевна

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
теории и практики английского языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Nadzeya Zinevich

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of the English Language
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
nadzusha@gmail.com

КАТЕГОРИЯ АГЕНТИВНОСТИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В НОВОСТНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Цель статьи – выявление специфики актуализации категории агентивности в новостном экологическом дискурсе на английском и белорусском языках. Агентивность рассматривается как дискурсивная категория, которая вербализует способность субъекта совершать свободный выбор и автономно производить осознанное действие. Результаты исследования демонстрируют лингвокультурные отличия в актуализации агентивности, что проявляется особенно ярко в отношении имплицитных агентивных конструкций без указания на производителя действия, доля которых существенно выше в белорусско-язычном материале. В то же время анализ доказывает, что англоязычный новостной дискурс в большей степени ориентирован на экспликацию конкретных субъектов, стоящих за совершаемыми действиями, что наделяет акторов большей дискурсивной ответственностью за происходящее.

Ключевые слова: *дискурс, экологический дискурс; новостной дискурс; дискурсивная категория; категория агентивности; виды агентивности.*

THE CATEGORY OF AGENTIVITY AND LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF ITS IMPLEMENTATION IN ECOLOGICAL NEWS DISCOURSE

The aim of the article is to establish linguistic peculiarities of agentivity in English and Belarusian ecological news discourse. The paper considers agentivity as a discursive category which seeks to represent the agent's capacity to make a free choice and perform an action independently and intentionally. The study has shown linguocultural differences in the realization of agentivity which become particularly prominent in 'implicit' agentive constructions where the doer of the action is omitted. The findings prove that Belarusian news generally tends to give more emphasis to agentless actions. At the same time English news aims at making the doers explicit, thus endowing them with a greater degree of discursive responsibility.

Key words: *discourse; ecological discourse; news discourse; discursive category; the category of agentivity; types of agentivity.*

Категория агентивности и ее определение

Антропоцентризм, ставший одним из основных принципов современных лингвистических исследований, предполагает анализ языковых явлений в тесной взаимосвязи с человеком, их порождающим и воспринимающим.

Очевидно, что человек – это исключительно многосторонний и сложный объект любого анализа, что позволяет «компартиментализировать» отдельные ракурсы проявления человеческого начала в языке и исследовать их с разных методологических позиций. Одним из таких научных подходов выступают категориальный анализ, когда исследователь сосредоточивается на группах языковых средств, участвующих в выражении определенных смыслов и/или функций. В качестве примера «человеко-ориентированных» категорий можно привести субъектность, модальность, эмотивность, оценочность, эвиденциальность, диалогичность, интенциональность и т.д. При этом особое внимание лингвистов всегда привлекала проблема выявления в речевом произведении меры внутренней свободы человека, его деятельностного потенциала, то есть способности изменять структуру окружающей среды (не)зависимо от внешних обстоятельств. Данный ракурс рассмотрения человеческого начала предусматривает изучение *категории агентивности*.

Для более детального определения сути категории агентивности обратимся к основным подходам, в рамках которых проводится ее исследование.

1. *Теория семантического синтаксиса* предполагает установление соотношения между значением предложения и отражаемой им внеязыковой ситуацией. При этом ситуация предложением преобразуется в конфигурацию, включающую семантические актанты (участников ситуации), связанные определенными отношениями. Одним из ключевых участников описываемой в предложении ситуации является агенс/ агент/ агентив – активный производитель действия [1, с. 118–123; 2, с. 157–162]. Тем самым в семантическом синтаксисе мы имеем дело если не с самой агентивностью, то с наделенным ею актантом семантической структуры предложения. При этом важно, что агенс представляет одного из важнейших участников ситуации, что подчеркивает значимость учета деятельного начала в таких фундаментальных когнитивных операциях, как категоризация окружающей действительности и ее лингвистическая интерпретация.

2. Естественным следствием описанного выше подхода стало рассмотрение агентивности как особой *семантической категории* (то есть как группы языковых единиц, объединенных общим значением активного деятельностного начала агенса как участника описываемой ситуации). С практической точки зрения важно то, что анализ семантической категории агентивности может объяснить не только системные отличия различных языков (например, выбор подлежащего), но и лингвокультурную специфику различных картин мира в целом [3, с. 43; 4, с. 581].

3. Таким образом, соотношение агентивности-неагентивности в различных языках чаще всего отличается и служит индикатором не только того или иного деятельностного типа культуры, но и специфической картины мира различных языковых сообществ в целом. Например, для японской

лингвокультуры характерно смещение фокуса от агентивности индивида к агентивности коллективной [3, с. 46]. Сходным образом, культурно-специфическим для русского языка является акцент на «псевдоагентивности» – таком положении дел, когда действие осуществляется не конкретным индивидом, а псевдоагентом (неконтролируемой стихией, судьбой и т.п.) [5, с. 61]. Тем самым с точки зрения лингвокультурологии агентивность предстает как *лингвокультурная доминанта* – ключевой концепт, определяющий специфику смыслопорождения и смысловосприятия в конкретной лингвокультурной общности [3].

4. Согласно *функционально-семантическому подходу* А. В. Бондарко и его последователей, взаимосвязанные разноуровневые языковые средства призваны участвовать в выражении глобальных понятийных категорий, одной из которых, наряду с прочими, является агентивность. Так, Е. В. Устинова исследует дихотомию агентивности-неагентивности в качестве особых семантических доминант, основными показателями которых выступает наличие семантических ролей агенса и не-агенса соответственно. Автор представляет агентивность-неагентивность в качестве сложного *функционально-семантического поля*, включающего соответствующие макрополя, а их ядерными средствами выражения будут подлежащие и бесподлежащие/безличные конструкции [5]. Таким образом, с позиций функционально-семантического подхода агентивность рассматривается в тесной связи с ее противоположностью – неагентивностью. Тем самым постулируется единое функционально-семантическое поле агентивности/неагентивности, которое представляет собой сложную формально-содержательную структуру, где группы взаимосвязанных разноуровневых языковых средств служат выражению семантических категорий агентивности и неагентивности.

5. Выходя за рамки языковых форм и их значений, дискурс-анализ рассматривает агентивность как особую *дискурсивную категорию*, изучение которой позволяет вскрыть специфику взаимоотношений речевого произведения и экстралингвистического контекста, где оно порождается и функционирует [6]. Особым направлением дискурс-анализа является критический анализ дискурса (КАД), который не только отталкивается от идеи значимости экстралингвистического контекста, но и постулирует наличие сложного взаимодействия между речевыми практиками и культурно-социальной средой. Так, контекст будет здесь являться не только необходимым «фоном» коммуникации, но и важнейшим условием смысло- и текстопорождения, предопределяя как речевое, так и неречевое поведение членов общества [7, с. 159–161]. Отсюда представители КАД делают вывод о том, что анализ дискурса может помочь вскрыть и объяснить многие общественные практики, такие, например, как механизмы распределения власти, дискриминация, социальное неравенство и др. [8].

В данном отношении дискурсивная категория агентивности будет по определению одним из главных инструментов анализа социально-культурной среды, закономерностей ее устройства и степени дискурсивной свободы, которой различные социальные группы наделяются в обществе. С одной стороны, согласно S. Leipold и G. Winkel, *агентивность* – это «способность актора сделать себя релевантным агентом/ действующим лицом в определенном дискурсе, что достигается в результате того, что он постоянно выбирает то, где, когда и как идентифицировать себя с определенной ролью в рамках данного дискурса» [6, с. 524]. Как видно, в данном определении подчеркивается трансформирующий потенциал индивида, обладающего высокой степенью свободы действий и способного не только противостоять доминирующим социально-дискурсивным практикам, но и видоизменять их. С другой стороны, крайняя версия КАД утверждает, что общественные роли не выбираются, а задаются главенствующими институтами в соответствии с целями поддержания статус-кво. Тем самым подчиненным участникам дискурсивных практик в значительной степени отказывается в свободе выбора и агентивности в целом [7, с. 120–121]. В. Е. Чернявская, в свою очередь, говорит о сложном диалектическом взаимодействии социально-дискурсивной структуры и субъекта, когда 1) контекст неизбежно влияет на создание и укрепление необходимых дискурсов и предопределяет релевантных субъектов/акторов, и наоборот, 2) дискурсивные субъекты, репродуцируя дискурсы, поддерживают социальные практики или, наоборот, оспаривая враждебные дискурсы, расшатывают их [7].

Подведем итоги сказанному. В зависимости от ракурса исследования агентивность может рассматриваться как лингвистическая, семантическая, лингвокультурная или дискурсивная категория. Общим для всех подходов является видение агентивности как *способности некоторого актора (действующего лица) действовать осознанно и автономно, совершая при этом свободный выбор* [7, с. 28]. Изучение агентивности может стать чрезвычайно эффективным инструментом лингвистического анализа. Так, определение характера проявления и степени агентивности в различных языках может помочь уточнить не только особенности организации разных языковых структур, но и пролить свет на специфику концептосфер и картин мира различных лингвокультурных сообществ, а также установить возможные связи между теми или иными дискурсивными практиками и широким экстра-лингвистическим контекстом.

Цель, задачи, материал и методы исследования

Цель настоящего исследования состоит в выявлении специфики актуализации категории агентивности в новостном экологическом дискурсе на английском и белорусском языках.

В задачи исследования входят:

- 1) систематизация ключевых характеристик агентивности;
- 2) установление языковых средств, реализующих агентивность;
- 3) определение основных видов агентивности, реализуемых в фактическом материале, и установление их лингвокультурной специфики.

Материалом для исследования послужили 50 новостных сообщений экологической проблематики (по 25 сообщений на английском и белорусском языках соответственно), отобранных методом сплошной выборки из следующих ресурсов – CNN News, The Guardian, Fox News, БелТА, Sputnik.by, Звязда, Belarus.by. Общее количество словоупотреблений в проанализированном корпусе текстов составило 24 502.

Выбор новостей в качестве материала анализа обусловлен тем, что они представляют собой одну из наиболее «чутких» дискурсивных форм, оперативно реагирующих на изменения в обществе и четко отражающих современную расстановку сил на социополитической арене, что особенно важно для актуального дискурс-анализа. Изучение категории агентивности на основе текстов экологической проблематики видится особенно перспективным, поскольку в условиях усугубляющегося экологического кризиса как никогда актуальным становится действующий потенциал различных социальных групп и их способность эффективно противостоять экологическим вызовам.

При анализе использовались методы дискурсивного, семантического, контекстуального, лингвокультурного анализа, а также метод анализа дефиниций.

Ключевые характеристики категории агентивности. Виды агентивности в новостном экологическом дискурсе и средства их языковой реализации

За время изучения категории агентивности учеными был выдвинут целый ряд условий/ признаков, которым должен отвечать глагольный аргумент, чтобы соответствовать роли агенса. Среди основных можно отметить одушевленность, способность выступать причиной или инициатором события (каузальность), обладание восприятием, вовлеченность, способность принимать решения, волитивность (намеренность), совпадение цели и результата действия, осознанность, ответственность, способность актора управлять своим действием, наличие источника и объекта энергетических затрат, уникальность и самостоятельность действующего лица [9, с. 141–143; 10, с. 147]. Однако учитывая сложность однозначного выделения признаков и их трудно ранжируемый характер, в последнее время все чаще говорят о прототипической организации релевантных характеристик агенса, когда имеет значение не полный набор всех возможных признаков, а их пороговое

количество и относительная значимость. Например, У. П. Стрижак к обязательным относит, во-первых, признаки *каузальности и наличия открытой объектной позиции* (т.е. второго участника ситуации, который претерпевает воздействие агенса) и, во-вторых, *автономность (самостоятельность) действующего лица, которая обеспечивается наличием источника энергии*. В то же время остальные агентивные признаки (такие, как волеизъявление и индивидуализированность) автор относит к вариативным [9, с. 149–153].

Постулирование прототипической организации агентивных признаков и факультативного характера многих из них позволяет исследователям говорить о существовании различных видов агентивности и возможности их градации с точки зрения большего или меньшего соответствия прототипу, как, например, выделение полной и неполной агентивности у Ю. П. Князева [10, с. 147]. В настоящем исследовании мы будем отталкиваться от данного тезиса, применяя его к анализу новостного экологического дискурса и конкретизируя с учетом дискурсивно-жанровой специфики фактического материала.

Таким образом при анализе новостного экологического дискурса на английском и белорусском языках были установлены следующие виды агентивности.

1. «Чистая» агентивность, демонстрирующая наличие всех ключевых признаков, а именно: свободу выбора, затраты энергии действующего лица, высокую степень его контроля над ситуацией, наличие волевого акта (намеренность действия), способность инициировать процесс и преобразующий потенциал осуществляемых действий (каузальность): *The buses have been manufactured by the Chinese firm*; <...> *беларусы расцяць лес, аднаўляюць пагалоўе рэдкіх жывёл, падтрымліваюць біяразнастайнасць і вырабляюць чыстыя прадукты*.

В качестве языкового индикатора чистой агентивности служат глаголы физического действия в составе предложений в активном и пассивном залоге с обязательным указанием на действующее лицо в самом предложении или его ближайшем контексте. В контексте экологической проблематики и настоятельной необходимости позитивного преобразующего действия особо важное место в данной группе будут занимать каузативные глаголы созидания и количественно-качественных изменений.

2. *Потенциальная агентивность*, которая содержит все ключевые признаки, перечисленные выше, однако ее практическое осуществление еще не гарантировано, поскольку семантически соответствующее высказывание ориентируется на будущее/ возможное действие: *The strong winds could lead to power cuts; The plan is to introduce almost 100 new electric buses in north-east England by the end of 2025; Аснова росту – павышэнне эфектыўнасці*

...уമാцаവന്നെ പ്രാമ്യശ്വാഗാ കംപ്ലെക്സു, **укараненне** лепшых практык работы на зямлі, **фарміраванне** камфортнага асяроддзя; <...> сваю прадукцыю і паслугі **прадставяць** больш за 200 прадпрыемстваў і арганізацый.

В данном случае мы имеем дело с теми же глаголами физического действия, что и ранее, но здесь они будут использоваться в конструкциях будущего времени, в составе инфинитивных оборотов, в сопровождении модальных глаголов или в отглагольно-именных образованиях с семантикой потенциального действия.

3. *Имплицитная агентивность* также предполагает реализацию всех ключевых признаков, отмеченных в пункте 1, но при этом в конструкции и в ее ближайшем контексте будет отсутствовать явное указание на действующее лицо, что делает невозможным его установление: *Gas-powered buses <...> were decommissioned*; *Вялікая работа праведзена на ліквідацыі палігонаў*.

Если с лексической точки зрения выражение имплицитной агентивности совпадает с чистой агентивностью, то в синтаксическом отношении они будут существенно разниться, поскольку для реализации имплицитной агентивности используются предложения в пассивном залоге/неопределенно-личные предложения, когда агенс не выражен эксплицитно.

4. В контексте решения экологических проблем серьезное значение имеет, насколько результативно действие агенса, что позволяет здесь условно выделить так называемую «квазиагентивность», которая вербализуется с помощью глаголов речемыслительной деятельности (*say; describe; declare; warn; plan* и т.п.). Квазиагентивность сама по себе не включает такой важнейший признак, как каузальность, и не гарантирует практической эффективности сделанного: *The mayor said the city had been surprised by the intense rains*; *Аб гэтым расказаў журналістам міністр прыродных рэсурсаў і аховы навакольнага асяроддзя*.

5. И, наконец, «вынужденная» агентивность, в актуализации которой также задействованы глаголы физического действия и их номинализированные эквиваленты, но в силу внешнего принуждения здесь элиминируются такие признаки, как свобода выбора, контроль над ситуацией и способность агенса инициировать процесс. Соответствующее действие, хотя в какой-то степени контролируется актором и предполагает затраты энергии, происходит преимущественно под влиянием сторонних факторов: *They were forced to evacuate their home after the neighborhood was hit by the fires*; *Гэтыя і іншыя напamкi пamрабуюць кансалідацыі міжнародных намаганняў*. Актуализация вынужденной агентивности опирается на конструкции с семантикой вынужденного действия, усиливаемой зачастую модальными оборотами необходимости.

Обобщим сказанное с помощью табл. 1.

Таблица 1

Критерии выделения видов агентивности в новостном экологическом дискурсе

Признаки		Виды агентивности				
		Чистая	Потенциальная	Имплицитная	Квазиагентивность	Вынужденная
Агентивные характеристики	преобразующий потенциал/каузальность	+	+	+	–	+/-
	затраты энергии/автономность	+	+	+	+	+
	способность инициировать процесс	+	+	+	+	–
	намеренность/осознанность	+	+	+	+	+
	одушевленность	+	+	+	+	+
	свобода выбора	+	+	+	+	–
	контроль над ситуацией	+	+	+	+	–
	практическая эффективность действия	+	-/+	+	-/+	-/+
Языковые индикаторы	предикат действия	+ (действие физическое)	+ (действие физическое)	+ (действие физическое)	+ (действие речемыслительное)	+ (действие физическое)
	эксплицитность агенса	+	+	–	+	+

Таким образом, ключевые агентивные признаки представляют собой систему прототипически организованных характеристик, различные комбинации которых позволяют выделить виды агентивности в зависимости от степени их соответствия прототипу. Все виды агентивности предполагают обязательное наличие некоторого действия (физического или речемыслительного) со стороны актора. В контексте анализа экологического дискурса важными факторами классификации агентивных разновидностей также являются степень эксплицитности действующего лица, а также учет реальной практической эффективности осуществляемого действия и его способности повлиять на устоявшееся положение дел.

Лингвокультурная специфика реализации агентивности в новостном экологическом дискурсе

Проиллюстрируем с помощью табл. 2 результаты анализа представленности различных видов агентивности в экологическом новостном дискурсе на английском и белорусском языках.

Т а б л и ц а 2

Виды агентивности в экологическом новостном дискурсе
на английском и белорусском языках, %

Вид агентивности	Англоязычный новостной дискурс	Белорусскоязычный новостной дискурс
Чистая	32	22
Потенциальная	26	19
Имплиcitная	9	28
Квазиагентивность	28	24
Вынужденная	5	7

Как видно из табл. 2, самое значительное отличие в проанализированном материале было обнаружено в отношении представленности имплицитной агентивности, доля которой в белорусскоязычных новостях более чем в 3 раза выше, чем в англоязычных источниках. Сходные результаты были ранее получены на основе анализа русско- и англоязычных текстов [4; 5]. Отсюда можно сделать вывод о подобии языковых картин мира белорусской и русскоязычной лингвокультур в плане тенденции «растушевывать фокус агентивности» (термин У. П. Стрижак), при этом делается меньший акцент на конкретном субъекте действия и он заменяется безличными и неопределенно-личными конструкциями, создающими эффект действия, которое выполняется как бы «само по себе».

В то же время англоязычная культура в значительно большей степени стремится наделить субъекта действия эксплицитной ролью агенса, доказывая тем самым свою принадлежность к культурам деятельностного типа. Этот вывод подтверждается и достаточно высокой долей чистой агентивности в англоязычном материале, однозначно свидетельствующей о непосредственном вкладе конкретных акторов в экологические процессы. При этом интересно, что удельный вес потенциальной агентивности также преобладает в англоязычных новостях. Данный факт может говорить о том, что деятельностная ориентация культуры распространяется на разные временные срезы (настоящее, прошедшее, будущее) и разные ситуации с точки зрения их реальности/ирреальности. В заключение также отметим, что стремление лингвокультуры акцентировать агентивность по всей види-

мости будет релевантно для любого действия (физического или речемыслительного), что доказывается более высокой долей квазиагентивности в англоязычном новостном дискурсе.

Прототипическая агентивность представляет способность субъекта совершать свободный выбор и автономно производить осознанное действие. В настоящем исследовании агентивность рассматривается как дискурсивная категория, которая играет первостепенную роль в объяснении специфики взаимодействия речевого произведения и широкого экстралингвистического контекста, в котором оно функционирует. Различные лингвокультуры могут демонстрировать существенные отличия при актуализации агентивности и ее разновидностей, что позволяет говорить об агентивности как культурно-специфической категории. Проведенный анализ выявил тенденцию акцентировать субъектов-производителей действий в англоязычном экологическом дискурсе, что доказывается большей представленностью в нем прототипической агентивности с эксплицитным субъектом действия. Как результат, акторы наделяются более высокой степенью дискурсивной ответственности за совершаемые действия. В то же время в сопоставляемом материале была выявлена концептуальная общность в структурировании агентивности, позволяющая выделять в рамках данной категории единые для обеих лингвокультур виды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чейф, У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 424 с.
2. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.
3. Стрижак, У. П. Онтологическая сущность агентности и ее лингвистическое представление в восточной и западной культурах / У. П. Стрижак // Азиатские философии: история, методология, межкультурный подход : сб. тезисов междунар. науч.-практ. конф., Москва, 23–25 окт. 2023 г. / Институт философии РАН. – М., 2023. – С. 43–46.
4. Григорьян, Е. Л. Агентивность и её «составляющие» / Е. Л. Григорьян // LI междунар. науч. филол. конф. им. Л. А. Вербицкой : сб. тезисов, С.-Петербург, 14–21 марта 2023 г. / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2023. – С. 581–583.
5. Устинова, Е. В. Концепция функционально-семантического поля в лингвокультурологическом освещении (на примере ФСП неагентивности в русском языке) / Е. В. Устинова // Изв. ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Спецвыпуск «Филология и журналистика». Общественные науки. – 2007. – С. 61–62.

6. *Leipold, S.* Discursive agency: (Re-)conceptualizing actors and practices in the analysis of discursive policymaking / S. Leipold, G. Winkel // *The Policy Studies Journal*. – 2016. – Vol. 45, iss. 3. – P. 510–534.
7. *Чернявская, В. Е.* Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения / В. Е. Чернявская. – М. : ЛЕНАНД, 2021. – 208 с.
8. *Dijk, T. van.* Discourse – Cognition – Society: Current state and prospects of the socio-cognitive approach to discourse / T. van Dijk // *Contemporary Studies in Critical Discourse Analysis* / ed. C. Hart. – London, 2014. – P. 121–146.
9. *Стрижак, У. П.* Агентивность как семантическая категория: онтологическая сущность языковой структуры / У. П. Стрижак // *Вестн. МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. – 2025. – № 2(58). – С. 139–159.
10. *Князев, Ю. П.* Агентивность как шкала градаций / Ю. П. Князев // *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. – 2016. – Вып. 14. – С. 146–155.

Поступила в редакцию 10.02.2026